

24. Тодоров, Ц. Походження жанрів / Ц. Тодоров. // Поняття літератури та інші есе. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 22–39.
25. Томашевский, Б. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 335 с.
26. Шевченко, В. Еволюція класифікації жанрів журналістики / В. Шевченко. // Держава та регіони. Сер. Соціальні комунікації. – 2012. – № 1. – С. 125–129.
27. Якобсон, Р. Язык и бессознательное / под ред. Ф. Успенского. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.
28. Skwarczyńska, S. Wstęp do nauki o literaturze / S. Skwarczyńska. – W.-Wa: PAX, 1965. – Т. III. – 412 s.

Людмила Голышкина

*Новосибирский государственный технический университет
(Россия)*

СТРАТЕГИИ РИТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ КАК ИНДИКАТОР ТИПА ИНТЕРВЬЮ

Система стратегий риторического текстообразования обусловлена структурой и содержанием риторического канона – технологией продуцирования текста, фиксирующей этапы «трансформации мысли в слово» – инвенцию, диспозицию и элокуцию [5; 13; 6]. Текст, созданный согласно процедуре риторического текстообразования, принято называть риторическим. Выявление же механизмов порождения такого текста сопряжено с реконструированием инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий.

Инвентивная стратегия, иницирующая текстообразование, предполагает ментальную разработку предметного содержания риторического текста, формирование его концепции, учитывающей практическую цель субъекта речи. Здесь происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста. Так, А. Залевская отмечает, что именно первый этап речемыслительного процесса направлен на построение образа результата действия [12, с. 216].

Установка на достижение практической цели формирует такое свойство риторического текста, как перформативность. Перформативность мы трактуем как равнозначность речи и действия, но не на уровне отдельного высказывания, как в классической теории речевых актов, а на уровне текста в целом [9, с. 34]. Тогда текст понимается как составляющая конкретного типа социальной деятельности. Перформативность обеспечивает возможность вписать текст в действительность, сделать

его частью реальности в статусе инструмента, управляющего коммуникативной ситуацией.

Осознание практической цели текста – пусковой момент текстообразования, требующий выделить во внетекстовой действительности такой предмет и далее обозначить такую тему текста, которые будут актуальны для аудитории в текущей коммуникативной ситуации. Иными словами, практическая цель субъекта речи лежит в основе ментальной разработки содержательной концепции текста. При этом риторическая прагматика, ориентированная на эффективность как высший критерий коммуникативной состоятельности, требует от предметного содержания риторического текста выраженной актуальности, злободневности, привязанности к ситуации «здесь и сейчас». Иначе говоря, денотативное пространство риторического текста должно представлять интерес не только для говорящего, но и для слушающего. Следовательно, можно рассматривать критерий актуальности как условие корректной вербализации и эффективного понимания риторического текста.

Диспозитивная стратегия текстообразования требует организовать само сообщение как речевой акт, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Конструирование текстовой структуры позволяет субъекту речи эксплицировать необходимую коммуникативную цель, которая может быть убеждающей, информационной, протоколно-этикетной, развлекательной и т. п.

Специфика риторического текста заключается в двуплановости его структурной организации. С одной стороны, существуют традиционные требования к формальной организации риторического текста: он должен иметь трехчастную композицию, включающую вступление, основную часть и заключение. Риторическая композиция отражает принцип объемно-прагматического членения текста, которое, согласно И. Гальперину, учитывает объем части текста и установку на внимание читателя [8, с. 52].

С другой стороны, сущность риторического текста зиждется на его аргументационной организации, которая обладает смыслоформирующим потенциалом и играет главную роль в создании персуазивного эффекта. Аргументация начинается с выдвижения тезиса, который делится в смысловой структуре текста на подтезисы-суждения разных уровней, вокруг которых в свою очередь формируются микросистемы аргументов, направленные на доказательство истинности тезиса. И формальная (композиционная), и смысловая (аргументационная) организация риторического текста создают условия для убеждения адресата в приемлемости предлагаемой точки зрения.

Элокутивная стратегия нацелена на вербальное оформление риторического текста, предполагающее отбор и комбинаторику языковых средств, которые не только ясно, доступно и выразительно эксплицируют замысел автора, но и способствуют достижению запланированного субъектом речи персуазивного эффекта. Воздействующий потенциал речевого произведения обусловлен коммуникативными установками говорящего на публичность общения и создание интерперсональных отношений, что обеспечивается средствами адресации и авторизации и определяет диалогический характер риторического текста.

Таким образом, инвентивная стратегия риторического текстообразования направлена на формирование таких типологических параметров текста, как *перформативность* и *актуальность*. Реализация диспозитивной стратегии определяет *персуазивность* риторического текста. Элокутивная стратегия актуализирует такие типологические свойства, как *публичность* и *диалогичность*. Последний критерий является результатом *авторства* и *адресности* риторического текста.

Риторическая модель текстообразования – конструкт эффективно-монологического текста. Однако наблюдения над речевой коммуникацией свидетельствуют об актуализации риторических стратегий и в практике моделирования диалога. Возможности использования стратегий риторического текстообразования в формате диалога обусловлены достаточно высоким уровнем текстовой компетентности интервьюируемого. Под текстовой компетенцией мы понимаем совокупность умений и навыков, обеспечивающих продуцирование и понимание различных типов текстов, то есть текстовую деятельность [10, с. 131]. В ответах респондентов интервью, обладающих профессиональным риторическим опытом, мы нередко встречаем развернутые монологические фрагменты, созданные согласно требованиям, предъявляемым к риторическому тексту, – осмысленность, актуальность, перформативность, персуазивность, диалогичность, публичность [9].

Вышеотмеченные факторы позволили сформулировать гипотезу о возможной корреляции между актуализованной стратегией риторического текстообразования и типом интервью. Отметим, что проблеме типологизации интервью посвящено множество исследований, базирующихся на различных основаниях [7; 17; 11; 15]. Попытаемся обосновать типологию интервью, опирающуюся на критерии риторического текстообразования.

Так, интервью В. Путина по итогам Олимпиады в Сочи представителям телеканалов «Первый», ВГТРК, НТВ, РБК от 25 февраля 2014 г. [4] характеризуется выраженной интенциональной установкой президента

на создание речевого перформанса, диктумным содержанием которого становится сама Олимпиада и ее результаты. Сам акт оценки первым лицом государства результатов Олимпиады есть коммуникативное событие, которое в первую очередь должен принять и положительно оценить совокупный реципиент, под которым в медийном ракурсе понимается вся мировая общественность. Отметим и тесную хронологическую связь между только что завершившейся Олимпиадой и фактом интервьюирования, что способствует реализации такого риторического свойства, как актуальность – привязанность к ситуации «здесь и сейчас». Таким образом, в данном интервью эксплуатируется инвентивная стратегия текстообразования, что позволяет говорить о существовании **перформансного, или событийноцентрического типа** интервью.

Примеры эффективного воплощения диспозитивной стратегии создания текста наиболее показательны в религиозном дискурсе, культивирующем традиции гомилетики. Так, лучшие представители высокого духовенства Русской Православной Церкви, являясь опытными риториками, часто в макроструктуре интервью выстраивают ответы в виде микротекстов, создаваемых согласно требованиям риторического текстообразования.

Представим наблюдения над риторической композицией и аргументационной организацией, сделанные нами на материале интервью Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарха Московского и всея Руси) «Постижение России, или Открытый урок гражданственности» православно-просветительскому журналу «Фома» (январь 2009 года). Это интервью освещало концепцию телевизионного всероссийского проекта «Имя Россия» и собственно позицию митрополита, представлявшего в рамках данного проекта личность Александра Невского как духовный символ России.

Рассуждая о значимости телепроекта и о роли Александра Невского в русской истории, митрополит Кирилл, нынешний Патриарх Русской Православной Церкви, выстраивает каждый ответ в виде микротекста, где вычленяются традиционные объемно-прагматические компоненты: вступление, основная и заключительная части. Обращает на себя внимание и аргументативная структура ответов, обеспечивающая персуазивный эффект. Так, в ответе на вопрос *«В чем Вы видите смысл выбора этого имени – Александр Невский?»* [2] Владыка выстраивает сложную аргументацию, структуру которой составляют: сочинительная аргументация, или связанное рассуждение, где каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы

взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают заданную точку зрения (см. ниже аргументы 1–2); подчинительная аргументация, или последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой (см. аргументы 3–4); множественная аргументация, или конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно до известной степени доказывает точку зрения (см. аргумент 5) [16, с. 123–124]:

Из истории мы знаем его (Александра Невского. – Л. Г.) как искусного военачальника, тонкого дипломата и мудрого политика (аргумент 1). Кроме того, Александр Невский был правителем с последовательным ... геополитическим мышлением, ибо все его усилия, в сущности, были направлены на реализацию евразийского проекта XIII столетия, оказавшегося актуальным в основных своих чертах вплоть до наших дней (аргумент 2). <...> Наконец, голосование за святого Александра Невского в высокой степени отвечает нашей сегодняшней потребности в национальном единстве (аргумент 3). <...> Скажу больше: в передаче «Имя Россия», показанной 9 ноября 2008 года, прозвучало интервью мусульманского духовного лидера, который выступил в поддержку православного святого Александра Невского (аргумент 4). <...> Самое главное <...> мне лично видится в другом. Голосование за святого Александра есть в сущности не что иное, как в основном интуитивно сформулированный социальный заказ на нравственную личность в политике, в государственном строительстве, в общественной жизни (аргумент 5) [2].

Не менее сложное построение аргументации наблюдаем и в интервью духовника Свято-Алексеевского женского монастыря протоиерея Артемия Владимирова в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20 января 2015 г.), в котором он рассуждает о роли устного и письменного слова в просветительской деятельности. Так, на вопрос «*Что такое свобода слова? Это означает, что ты можешь высказать свои обиды и претензии? Объясните, пожалуйста, с православной точки зрения*» [1] протоиерей инициирует следующую процедуру ответа. Сначала вводится тезис «*Свобода слова – очень двойственное словосочетание*», который в силу своей генерализованной семантики требует конкретизации в последующих подтезисах первого и второго уровней. Появляется подтезис первого уровня «*Это не свобода богохульствовать и оскорблять религиозные чувства людей, не свобода глумиться над сокровенными убеждениями человеческой души*» [1], который поддерживается аргументами, подчеркивающими негативные тенденции проявления словесной вседозволенности. А подтезис второго уровня «*Свобода слова <...> заключается в свободе делиться своими сокровенными мыслями и убеждениями, но не так, чтобы возбуж-*

дать в людях убийственные страсти» [1] актуализирует аргументы, демонстрирующие положительные тенденции в отношении появления «разумной и необходимой цензуры», регулирующей свободу слова. Завершается аргументация метафорическим выводом, усиливающим персуазивный эффект: *«Для ученика Христова слово – это хорошо выдержанное вино, оно должно вызреть, перебродить, обрести определенные вкусовые качества, потому что наши слова только тогда созидают, а не разрушают, когда насыщены духом разума, любви, правды и стремлением послужить людям»* [1].

Осмысленность и тщательная разработанность аргументации формирует выраженный разъяснительный и убеждающий характер интервью, обеспечивает воздействующий эффект речевого жанра, что позволяет выделить **просветительский** по интенционально-прагматической направленности и **текстоцентрический** по структурной организации **тип**.

Элокутивная стратегия текстообразования, обеспечивающая диалогичность речевого продукта, актуализируется особенно наглядно в таких интервью, где диктумным содержанием становится образ личности во всем многообразии его характерологических составляющих. Конструирование образа личности имеет, как правило, имиджевую направленность и эксплицируется средствами авторизации: это личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа и соответствующие им глагольные формы, притяжательные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, вводные конструкции, безлично-предикативные конструкции, свидетельствующие об авторской модальности и т. п. [14].

Так, в интервью В. Познера portalу Lenta.ru «Просто в Париже мне комфортней» от 15 октября 2015 г. находим обширный арсенал средств выражения авторского «я»:

Роман Уколов (журналист): *Где же ваша родина?*

Владимир Познер (интервьюируемый): *Скорее всего, между Парижем и Нью-Йорком. Я себя чувствую совершенно дома во Франции, если говорить о стране. А если говорить о городе, то город, в котором я вырос и сформировался, – это Нью-Йорк. Это мое место. Это сложно, но так получилось в моей жизни. Иногда я завидую людям, которые никогда не сомневались в том, кто они и где их родина. Но у меня такая вот ситуация* [3].

Отметим, что здесь авторизация, помимо традиционной контакто-устанавливающей функции, выполняет и смыслообразующую функцию – участвует в реализации самопрезентационных интенций субъекта речи, связанных с конструированием сложного образа личности.

Диалогичность нередко создается экспликацией экспертного мнения говорящего, который трансформирует прямой вопрос интервьюера в проблему, имеющую актуальность для современной социокультурной ситуации, и дает ответ, мотивированный собственным профессиональным опытом:

Роман Уколов (журналист): *Вы политический журналист?*

Владимир Познер (интервьюируемый): ***Я не понимаю, что такое неполитический журналист. Если человек пишет статьи о кино, то какой он журналист – он кинокритик. Для меня журналист – это человек, который занимается информацией общественно-политического характера, обращает внимание общества и власти на то, что не в порядке в стране, стремится максимально честно и объективно информировать свою аудиторию о том, что происходит. Я так понимаю журналистику*** [3].

Кажется очевидным, что сама жанровая природа интервью зиждется на диалогичности. Однако мастерство интервьюируемого определяется не столько его умением увлечь реципиента акцентуацией авторского «Я» и фактами своей биографии, сколько способностью вписать свои мировоззренческие установки и ценностные доминанты в контекст современности и тем самым сделать слушателя в определенной степени своим единомышленником. Соответственно, есть основания выделять не просто портретное или персональное интервью, а **рефлексивно-авторизирующий, или личностноцентрический тип**.

Типологизация интервью традиционно осуществляется с прагматических позиций журналиста, демонстрирующих его целеполагание (информационное интервью, аналитическое интервью; интервью-портрет, интервью-расследование и т. п.). Либо в фокус типологизации попадают формальные основания (интервью-беседа, блиц-опрос, пресс-конференция и т. п.) [7; 17; 11; 15]. Представленный нами подход базируется на основаниях, учитывающих способность интервьюируемого к моделированию текстовой деятельности путем адекватного выбора и эксплуатации в интервью приоритетной стратегии продуцирования текста. При этом выявленная и реконструированная в ходе лингвистического анализа стратегия риторического текстообразования, использованная интервьюируемым, может рассматриваться как индикатор типа интервью.

Литература

1. Безменова, Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 215 с.
2. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

3. Ворошилов, В. В. Журналистика: учебник / В. В. Ворошилов. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 304 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
5. Голышкина, Л. А. Система типологических свойств риторического текста / Л. А. Голышкина // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 31–37.
6. Голышкина, Л. А. Текстовая компетенция как ценностная доминанта современного образования: риторический подход / Л. А. Голышкина // Философия образования. – 2011. – Т. 34, № 1. – С. 129–135.
7. Грабельников, А. А. Работа журналиста в прессе: учеб. пособие / А. А. Грабельников. – М.: Изд. РИП-холдинг, 2001. – 274 с.
8. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М.: РГГУ, 2000. – 382 с.
9. Клюев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е. В. Клюев. – М.: Изд-во ПРИОР, 1999. – 272 с.
10. Кохтев, Н. Н. Основы ораторской речи / Н. Н. Кохтев. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2013. – 328 с.
11. Лукина, М. М. Технология интервью: учеб. пособие для вузов / М. М. Лукина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
12. Снук Хенкеманс, А. Ф. Структуры аргументации / А. Ф. Снук Хенкеманс // Важнейшие концепции теории аргументации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 123–161.
13. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

Источники

1. Владимиров, А. Устное и письменное слово в просветительской деятельности / А. Владимиров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti>. – Дата доступа: 10.10.2016.
2. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Постигание истории, или Открытый урок гражданственности / Митрополит Кирилл // Фома. – 2009. – № 1 (69) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foma.ru/postizhenie-rossii-ili-otkryityj-urok-grazhdanstvennosti.html>. – Дата доступа: 19.10.2016.
3. Познер, В. В. Просто в Париже мне комфортнее / В. В. Познер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/10/15/pozner/>. – Дата доступа: 15.10.2016.
4. Путин, В. В. Интервью представителям телеканалов «Первый», ВГТРК, НТВ, РБК по итогам Олимпиады в Сочи от 25 февраля 2014 года / В. В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20336>. – Дата доступа: 10.10.2016.